

В девятистах миллионах ли к западу от горы Бучжоу, на горе Сумеру, у пруда с лотосами, окутанного золотым светом Будды, покоилась исполинская фигура, подобная самой горе. Она словно слилась с небом и землей, источая таинственное и древнее дыхание.

Внезапно этот исполин медленно открыл глаза, глубокие, как бездна, в которых, казалось, мерцали звезды и сменялись эпохи. Его взгляд устремился в сторону горы Фэнци, словно пронзая бесконечное пространство и время.

Спустя долгое время он вновь смежил веки, и его подобное горе тело едва заметно шевельнулось. Затем из глубин веков, словно из самой реки времени, донесся тихий, погруженный в думы шепот:

— Кто первым пробудился от великого сна? Лишь я сам ведаю о своей жизни.

Голос, низкий и отрешенный, наполненный бескрайней мудростью и грузом прожитых лет, эхом разнесся над прудом, заставляя невольно погрузиться в раздумья.

На западе мира Хунхуан раскинулась безжизненная пустыня. Высоко в зените палило солнце, нещадно выжигая пески, а неистовый ветер, вздымая тучи пыли, кружил над пожелтевшим миром.

По этой бесконечной пустыне с трудом пробиралась одинокая фигура. В руках странник сжимал бамбуковый посох, его ветхая одежда, источенная песками и временем, хлопала на ветру. Лицо его выражало глубокую скорбь, а потрескавшиеся губы были лишены всякого цвета.

Внезапно он замер, медленно поднял голову и, взглянув в сторону горы Фэнци глазами, полными буддийской мудрости и отрешенности, глубоко вздохнул, скрыв в глубине души сложное чувство.

Вскоре его взгляд стал твердым, в глазах вспыхнула решимость. Снова подняв голову и крепче сжав посох, он глубоко вдохнул и продолжил свой путь.

Каждый его шаг был полон непоколебимой стойкости. Ни яростный ветер, ни трудная дорога не могли остановить его. Фигура путника постепенно удалялась, растворяясь в желтой пелене песчаной бури.

В мире Хунхуан, на вершине горы Бучжоу, выше девяти небес, разливался чистый эфир. Струящиеся потоки звездного света сплетались в призрачную завесу, мягко окутывающую тридцать три небесных дворца и семьдесят две святыне обители.

Каждый из тридцати three дворцов поражал своим величием: яшмовые террасы и резные карнизы, подобные расправившим крылья фениксам, то скрывались, то появлялись в дымке

духовной энергии и звездного сияния.

Семьдесят две святые обители, украшенные редчайшими камнями и кристаллами, сверкали в лучах звезд, ослепляя своим великолепием.

В центре, во Дворце Линсяо, среди клубящихся облаков и божественного сияния, возвышались массивные нефритовые колонны, покрытые древними письменами.

На роскошных тронах восседали две фигуры, излучавшие ослепительное, подобное солнцу сияние. Их присутствие, словно живое пламя, заявляло о высшей власти.

Слева сидел Император Демонов Ди Цзюнь. Его облик был исполнен величия, а взгляд — подобен палящему солнцу. Его длинные волосы, словно потоки золотого огня, свободно развевались.

Справа — Дунхуан Тай-и. Он был облачен в халат с узором солнца, луны и звезд, которые, казалось, жили своей жизнью, медленно перетекая друг в друга, подтверждая его власть над всем сущим. В центре его лба мерцал таинственный знак Небесного Пути.

Внезапно тишину дворца нарушил встревоженный голос Дунхуана Тай-и:

— Брат, Нюйва достигла Дао и стала святой.

В его словах сквозила тревога. Помолчав, он добавил:

— Сможет ли наш Клан Демонов по-прежнему властвовать над Хунхуан?

Ди Цзюнь не изменился в лице, ответив с непоколебимой уверенностью:

— Тай-и, не стоит так волноваться.

Он сделал паузу, и в его глазах блеснула острота:

— Хоть Нюйва и стала святой, ей еще предстоит создать Небеса Вахуан, на что уйдет немало времени. А их жалкая горстка людей — словно богомол, пытающийся остановить колесницу. Им никогда не помешать нашему господству.

— Хм... — Дунхуан Тай-и задумался, кивнул, и беспокойство на его лице сменилось уверенностью. — К тому же, пока у меня есть Колокол Восточного Императора, чего нам бояться? Даже со святым я готов сразиться.

Ди Цзюнь, глядя на брата, с улыбкой покачал головой, в его взгляде читались нежность и одобрение. Затем он погрузился в глубокие раздумья, размышляя про себя: чтобы предотвратить беду, нужно как можно скорее укрепить силы Клана Демонов, готовясь к грядущей битве между ведьмами и демонами. Его взгляд устремился вдаль, словно он уже видел великие сражения будущего.

У подножия горы Бучжоу стоял дворец, формой напоминавший сердце, от него исходила леденящая кровь мощь, а каждый кирпич был пропитан древним дыханием Паньгу.

Внутри Дворца Паньгу, у огромного кровавого пруда, где бурлила густая, подобная черному дыму энергия, сидели двенадцать могучих фигур — двенадцать предков ведьм.

Ди Цзян, предок ведьм пространства и скорости, выглядел как желтый мешок, красный, как пламя, с шестью ногами и четырьмя крыльями, без лица. Вокруг него клубилась хаотическая энергия.

Цзюйман, предок ведьм дерева, птицеподобный, с человеческим лицом, верхом на двух драконах, зеленый, как бамбук.

Жушоу, предок ведьм металла, с человеческим лицом и телом тигра, крыльями за спиной и змеями в ушах, облаченный в золотую чешую.

Гунгун, предок ведьм воды, с телом питона, покрытый черной чешуей, верхом на черном драконе.

Чжужун, предок ведьм огня, с телом зверя, красный, с огненными змеями в ушах, верхом на огненном драконе.

Тяньу, предок ведьм ветра, с восемью головами и телом тигра с десятью хвостами.

Цянлянь, предок ведьм грома, с телом тигра, четырьмя копытами и длинными локтями, держащий змей.

Сицзы, предок ведьм электричества, с человеческим лицом и телом птицы, держащий красную змею.

Чжу Цзюинь, предок ведьм времени, змееподобный, ярко-красный, погруженный в глубокую медитацию.

Шэбиши, предок ведьм погоды, с человеческим лицом и телом зверя, с собачьими ушами.

Хоуту, предок ведьм земли, с телом змеи, семью руками за спиной и двумя спереди, держащая теншэ.

Сюаньмин, предок ведьм дождя и льда, с костяными шипами по всему телу, верхом на двух синих змеях.

— Ой, как же это Нюйва стала святой? — внезапно раздался удивленный, чистый, как небесная музыка, голос Хоуту, который казался совсем неуместным в этом мрачном месте.

Затем прогремел величественный голос Ди Цзяна:

— Хоуту, сестра моя, не стоит об этом беспокоиться. Мы, предки ведьм, — истинные наследники Паньгу, мы никого не боимся. Перестань гадать, лучше сосредоточься на тренировках, чтобы укрепить свою мощь и защищать мир Хунхуан во славу Отца-Бога.

Его слова, казалось, на мгновение остановили движение энергии в зале.

Хоуту хмыкнула и протянула:

— Хм, хорошо, старший брат...

Сказав это, она закрыла глаза, ее дыхание выровнялось, и она погрузилась в медитацию.

В Дворце Паньгу воцарилась тишина. Лишь энергия в кровавом пруду продолжала бурлить, словно храня бесконечные тайны мира. Двенадцать предков ведьм погрузились в практику, накапливая силы для будущих испытаний.

А по всем уголкам мира Хунхуан весть о том, что Нюйва достигла Дао, разнеслась подобно грому.

В лесах звери замирали, склоняясь в сторону горы Фэнци. В долинах духи и горные демоны выходили из своих пещер, почтительно кланяясь в ту же сторону. В глубинах океанов морские обитатели прекращали игры, поворачиваясь к священной горе.

Весь мир Хунхуан в этот миг словно подчинился невидимой силе: все существа, чья мощь еще не достигла уровня Великого Золотого Бессмертного, выражали свое глубочайшее почтение Нюйве.

<http://bllate.org/book/18513/1779528>